

Сергей Бурдыгин

*Не мёрзни
под кустом*

Повесть

Сергей Бурдыгин

Не мёрзни под кустом. Повесть

«Издательские решения»

Бурдыгин С.

Не мёрзни под кустом. Повесть / С. Бурдыгин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830497-2

Герой повести работает охранником в больнице небольшого городка. Неожиданно туда попадает его бывшая жена, с которой они развелись два года назад. Неожиданно выясняется, что прежние чувства не угасли, скорее, наоборот. Однако Настя, оказывается, неизлечимо больна. Медицина ей помочь уже бессильна. И тогда бывшие супруги пытаются найти помощь у всевозможных целителей, экстрасенсов, служителей церкви. К сожалению, выясняется, что многие из них просто зарабатывают на чужом горе...

ISBN 978-5-44-830497-2

© Бурдыгин С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	15
7	17
8	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Не мёрзни под кустом

Повесть

Сергей Бурдыгин

*«Эх, зайчишка ты, зайчишка,
Ты зачем дрожишь, малышка?
Убегай скорее в дом,
И не мерзни под кустом.»*
Из детской песенки.

© Сергей Бурдыгин, 2017

ISBN 978-5-4483-0497-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Ночью часам к двум – как раз в самый сон, – приехали турки-строители на трёх машинах. В больничную сауну, естественно. Наверное, мыться среди бела дня им было неудобно.

Потом шлагбаум пришлось поднимать для «скорой», доставившей страдальца из какого-то пригородного села.

А ближе к рассвету пришёл дежурный врач и попросил снести из палаты в морг умершего внезапно человека.

Умершего человека мы со слесарем-сантехником Агафоновым помянули больничным спиртом. Закусили котлетами из местного столовского рациона. По больничным меркам котлеты были очень даже ничего.

Впрочем, возможно это впечатление усиливалось спиртом.

Агафонов после жёсткой ссоры с женой уже полгода жил в подсобке и потому был нам, охранникам, желанным помощником в ночных скорбных делах.

– А что, Серега, – поинтересовался он провокационно, – турки опять приезжали?

Оставалось только кивнуть. Сейчас на своего конька сядет, из седла не вышибешь.

– Вот за что их главврач привечает? – сантехника стали распалать пролетарский гнев и классовая ненависть, – за то, что они ему коттедж строят?

– Может, и коттедж.

– Может... А спросить бы надо. Сауна-то больничная! И потом – почему турки? Нанял бы таджиков, они дешевле, им и сауны не надо с бабами. Ты когда-нибудь видел таджиков-шабашников с бабами? То-то. Экономные они, зря деньги не тратят. А эти...

Где-то в глубине души Агафонова жил национализм.

Помянули ещё.

– Странное дело вчера вышло, – продолжил разговор Агафонов, – кот мой Фомка, ты же знаешь, он матёрый такой, бойцовский, со всеми тутошними собаками перецапался. А вчера вечером подошёл к больничному Шарик, постояли они напротив друг друга, и – ничего. Шарик к столовой поплёлся, и Фомка мой – за ним. Будто сто лет дружили. Замирились, что ли? С чего бы?

Когда Агафонов чему-то искренне удивлялся, он слегка выпучивал глаза и наклонял голову набок, совсем, как попугай Кеша из приёмной главврача Семёна Сергеевича.

– Зверьё, и то мирится, – не удержался я от назиданий, – а ты со своей Полиной Марковной никак не съедешься. Не надоело в подсобке-то мыкаться?

– Надоело, – скорбно признался сантехник, – но она, Полина Марковна, – женщина лёгкого образа жизни. Мужиков водит. Так нельзя.

Сам Агафонов периодически вызывал ночами по телефону девушек смутного поведения и проводил с ними время в пустых больничных палатах.

– И потом, – подытожил он весьма убеждённо, – в моём возрасте свобода уже важнее инстинктов. Как его хоть звали-то?

– Кого?

– Ну, усопшего из седьмой палаты. Которого мы сегодня...

– Кто его знает...

– Родственники придут, скажут. Опять же нам выносить.

– Нет, я в девять утра меняюсь. Мишка Хромой придёт, с ним и выносите.

Именно минуты утренней смены я любил особенно. Начинаешь неторопливо переодеваться, причёсываться, складывать в сумку-баул банки из-под домашней снеди. А сменщик, наоборот, – обустройствается, прикидывает, что, да как пойдёт, и пойдёт ли.

У него ведь целые сутки впереди, и ещё неизвестно какие. А тут – всё уже позади. И ночь, и турки с сауной, и скукотища по всем телеканалам.

Не то, чтобы работа охранника в городской больнице (да сторожа, считай) была в тягость, – кому тут на что зариться? – но сутки в будке у шлагбаума, пусть даже с ветхим телевизором на столе, – скука неимоверная. Тут даже Агафонову позавидуешь, у того свобода передвижения почти безграничная – «ушёл на рынок за вентилями», и всё.

В больнице – хоть потоп, «вентиля» важнее.

Впрочем, в город слесарь выбирался нечасто, говорил, что ему и медицинской территории вполне хватает. А чего её не хватать-то? В столовой накормят, в процедурной спирту нальют.

В общем, в больнице для слесаря Агафопова существовал как бы коммунизм, построенный для него в отдельно взятом медучреждении.

Мы в последний раз помянули, и он ушёл, забрав остатки спирта, нисколько не смутившись.

Образ его жизни был прост.

2

Уже почти с месяц в больнице нашей томился Гараня – человек с туманным, судя по наколкам на руках, тюремным, прошлым и коммерческим настоящим. Сначала около его палаты (одноместной, разумеется) круглые сутки дежурили угрюмые и крепкие молодые люди, но на днях, видимо, ситуация в коммерческом мире для Гарани счастливо изменилась, и охрана отбыла восвояси, оставив хозяина на наше попечение.

Я как раз дежурил, когда в сторожку зашёл плотный молодой человек и веско спросил:

– Ты кто?

– Рентгенолог, – весело ответил я, потому что на форменной моей рубашке было крупно написано слово «охрана».

Плотный юмор не оценил и угрюмо продолжил:

– Ты по жизни кто? Главный тут в охране?

– А я тут один.

– Один – это плохо.

Он брезгливо окинул взглядом нашу сторожку и спросил уже мягче:

– Получаешь сколько?

Такие вопросы всегда меня настораживают, поэтому я ответил туманно:

– Хватает...

– Оно и видно. Короче, друган у нас там, в пятой палате, знаешь?

– Гараня что ли?

Плотный поморщился:

– Кому Гараня, а кому Гаранян Степан Суренович. Усёк?

Как он без мата разговаривал, было непонятно.

– Вон там окно его палаты, видишь?

Собеседник мой ткнул пухлым пальцем на второй этаж.

Впрочем, я и без этого перста указующего знал, где этот Гараня лежит. Оперировали его сложно, удалили голосовые связки, после чего Степан Суренович на ноги встал быстро, вот только говорить звучно уже не мог. Приделали ему к горлу какой-то хитроумный аппарат, который позволил общаться с окружающим миром, шипя, но понятно.

Правда, шипеть с соседями по больничному коридору он почему-то стеснялся или считал ниже своего достоинства. Поэтому по ночам, когда больничный корпус уже закрывался, он, видимо, с помощью дежурных медсестёр, выбирался на улицу и просто бродил по густому больничному саду. Иногда во время этих прогулок он натёкался на Агафоновуа, иногда на кого-нибудь из нас. Тут диалогов никто не чурался.

– Пойдёшь ко мне? – интересовался он периодически не только у каждого из охранников, но и у Агафонова.

Все, кроме слесаря, отказывались, в бандюганы лезть не хотелось.

Впрочем, и Агафонов, похмелившись утром, задами пробирался в будку и просил спрятать:

– Не хочу я к этому шепелявому. Зарежет ещё.

Слесаря прятали, иногда даже за спирт, но Гараня никогда его не искал и о ночном согласии на работу не упоминал. Правда, через некоторое время звал к себе снова.

Так вот, плотный объяснил мне, как мог, что за окном на втором этаже мы со сменщиками должны присматривать особо, за что будем вознаграждаться по утрам в конце каждой смены. Лично мне был предложен довольно щедрый аванс, который я взять не отказался.

Уходя, визитёр мой утробно хохотнул:

– Ну, бывай... гинеколог...

Значит, чувство юмора у него всё-таки было.

И вот этот самый Степан Суренович Гаранян неожиданно подружился не только с периодически предававшим его слесарем Агафоновым, но и с агафоновским котом Фомкой, а так же с больничным Шариком – созданием, откровенно скажу, не очень доверчивым. Во время ночных прогулок упомянутые животные слесаря с коммерсантом неизменно сопровождали, за что достаивались вкусных угощений из столовских остатков и щедрых передач, которые ежедневно доставлялись соратниками шипящему пациенту.

– Животный мир, – заявил однажды во время одной такой прогулки Агафонов, – он гораздо душевнее человеческого. Они-то знают, зачем живут, не то, что мы...

– Это они знают? – удивился коммерсант. – Да они живут просто. Вон камень лежит, он тоже просто лежит. И неизвестно нам, для чего. Но Бог его создал...

– Собак вон и кошек, например, – убеждённо возразил слесарь, – Господь создал для доброты.

– Это как?

– Ну как... Погладишь такую живность, и зло в душе проходит. Непонятно, что ли?

Случалось, Агафонов был философичен.

3

Зима все-таки приближалась. Свинцовой дымкой обволакивало небо. Пациентов стало больше – наши болезни обостряются вместе с общей тревогой природы. По ночам перестала приезжать поливальная машина. Слесарь Агафонов все реже вызывал женщин. Кот Фомка и пес Шарик все чаще лежали под лавкой в больничном сквере, не обращая внимания ни на кого и даже друг на друга. Ночами становилось морозно. В нашей сторожке, правда, было тепло, даже жарко. Спасибо главврачу Семену Сергеевичу – обогреватели здесь стояли серьезные. Впрочем, и в палатах никто не мерз, пока сильных холодов еще не было.

В один из таких позднеосенних дней я откровенно скучал, переключая телеканалы и попивая чай в жарко натопленном своем месте работы. Вдруг как-то уж совсем неожиданно открылась дверь.

– Привет, – сказала Настя, – алкоголиков теперь сюда на работу принимают?

– Именно, – согласился я, – еще можно в слесаря, но там уровень повыше. Тебя что сюда привело? Любопытство?

Словно и не было этих двух лет, словно и не было...

– К сожалению, нет, – моя бывшая супруга продолжала улыбаться, но в глазах что-то погасло, – приболела немного. Мне в регистратуре сказали, что ты тут. Фамилия-то общая осталась.

– Хоть что-то... Чаю будешь?

– Нет, спасибо. Мне нельзя пока. С желудком нелады. Вот, на обследование и направили. Получается, к тебе.

Она присела на краешек стула и грустновато улыбнулась:

– Ты тоже... Нашел место работы. Здесь, наверное, аура тяжеленная...

Когда-то мы работали вместе в достаточно солидном учреждении. Точнее, сначала там несколько лет проработала Настя, а потом уже появился я. Меня, как новичка и самого молодого, вызвал однажды генеральный :

– Вы, Кораблев, я вижу, человек у нас аккуратный...

С чего это он тогда взял, я не могу понять до сих пор. Но в тот момент услышанное польстило.

– Так вот, – продолжил шеф слегка задумчиво (это у него манера такая разговаривать с подчиненными была, видимо, для солидности), – есть для вас, скажем так, задание, но... не совсем по специальности. Точнее, вовсе не по специальности. Вашей... И, отчасти, моей тоже...

Случалось, генеральный в своих попытках выглядеть как можно солиднее, запутывался в речевых оборотах. В таких случаях разговор грозил затянуться. Я посмотрел чуть в сторону и увидел, что к основательно массивному (опять же, стиль) столу нашего руководителя было прислонено тоже немаленькое зеркало в соответствующе недешевом багете.

– Повесить куда-нибудь? – предположил я, дабы вывести руководителя из словесного лабиринта, – если что, могу.

На самом деле я манипуляций со всяческим стеклом как-то опасался. Потому что во мне, еще по мнению родителей, доставало не только аккуратности, но и обыкновенного умения выполнять домашние хозяйственные работы, но зачем об этом знать генеральному?

Впрочем, как выяснилось, поручение предстояло выполнить несколько другого характера.

– Э-э-э... Ничего и... никого... вешать не надо, – вышел, наконец, на ровную дорогу словесности шеф, – сейчас на служебной машине вы поедете домой к нашей сотруднице... вы ее не знаете еще, она в отпуске. У нее через неделю свадьба. Попросила вот в подарок

зеркало... заранее..., чтобы квартиру к событию украсить. Вот... Поедете, отвезете. От коллектива. Можно было и водителя одного послать, но как-то не от коллег, получается...

– Так ведь и меня эта ваша невеста не знает совсем, я ж только устроился.

– Вот и познакомитесь, – улыбнулся шеф, – вы вон какой... молодой, энергичный. А то жених у нее говорят, – тут он слегка хохотнул даже, – старик стариком. Но богатый. Из уважаемой семьи. Перспектива.

При этом он зачем-то посмотрел в потолок.

Дверь квартиры невесты открылась буквально сразу после звонка, словно визита ждали в прихожей. Зеркало было большим, тяжелым, и делало меня удивительно нелепым. Но я впервые увидел Настю. А она – меня. Может быть, кто-то скажет, что такого не существует, но через месяц мы поженились.

А через два года разошлись.

Настя уволилась с работы, сразу после этого не совсем веселого события. Я продержался еще пару месяцев. Потом меня вызвал генеральный.

– Вам бы, Кораблев, – сказал он, – э-э-э... или снова жениться, или закодироваться. Некорректно. Нетрезвый часто вид... без галстука...

– От галстука не закодируют, – возразил я относительно смело.

– А жаль, – резюмировал шеф, – вы и на планерки редко ходите...

– Здоровье, – робко попытался я объяснить, но генеральный уже зашел в свой лабиринт:

– Тут не о лекарствах речь. Об образе жизни. И работы, что, собственно, одно и то же в нормальных семьях... А у вас не складывается... в нашем коллективе так не принято...

Честно говоря, после разрыва с Настей мне и самому не хотелось там оставаться.

4

Настю положили в палату на втором этаже, почти напротив гараниного одностанного обиталища. Сказали – на обследование. Лечащего ее врача, Игоря Павловича я знал неплохо, поговорили. Глубоко затянувшись сигаретой, доктор пообещал быть повнимательнее. В подробности я не вдавался, если нужно будет – скажет. Зато разговор этот позволил Насте под мою ответственность убегать из больницы в любое непроцедурное время.

Во время первого побега мы решили посетить Мишу.

Миша работал дворником в кукольном театре. И еще вырезал из дерева разные любопытные фигурки – в основном, добрых гномов с бородами и в колпаках. Оба занятия ему удавалось счастливо совмещать. Прибравшись с раннего утра перед театром, Миша, по договоренности с директором, разворачивал тут же торговлю своими поделками, причем, явно не без успеха. Наверное, помогало нехитрой этой коммерции то, что Миша и сам был похож на доброго гнома, только (если такое возможно) как бы сильно подростшего. Дети от его этюдника, на котором он выставлял фигурки, буквально не отходили.

– Привет! – обрадовался он нам обоим, хотя Настю видел в первый раз, – солнышко-то сегодня какое хорошее.

Солнышко было, как солнышко. Солнце просто, если оценивать объективно. Осень. Поздняя. Но Мише и она была в радость.

– А у нас сегодня премьера, – весело сообщил он, – спектакль про зайчонка. Очень даже ничего. Мордвинов играет.

– Зайчонка? – удивился я.

– Да нет, зачем же... Избушку говорящую. Ну, которая то передом, то задом... Людям нравится.

Когда-то Мордвинов был едва ли не самым известным в городе драматическим актером. Колоритный, статный, крепко, по-крестьянски сложенный, он был кумиром не одного поколения местных красавиц. Но прошли и ушли насовсем годы, статность превратилась в тучность, ноги, прежде лихо отплясывающие любые танцы – от гопака до вальса – перестали слушаться, но голос и любовь к театру остались. Можно было еще играть престарелых дворецких, отставных генералов и спившихся помещиков. Но Мартынов, к удивлению многих, резко поменял карьеру – ушел в кукольный театр. Оказывается, в молодости, он в таком амплуа и начинал, а уже потом попал на большую сцену. И, что бы там ни говорили, начал озвучивать таких вот избушек, петрушек, а в большей степени – драконов и всяческих чудищ, обладающих густым сильным басом.

– А что, – продолжила разговор Настя, – давай ходим, а? Я тут давно уже не была. Иди, Кораблев, покупай билеты.

– Зачем же билеты? – обиделся Миша, – а романтика будней? А дружеские со мной отношения? Вам же, я вижу, чего-нибудь особого хочется. Мы пойдем другим путем, как говаривал один до сих пор не похороненный человек...

И мы зашли в театр через служебный вход, пробираясь к зрительному залу какими-то неведомыми коридорами, на стенах которых висели портреты актеров с куклами на руках и постеры фотографий с видами известных заграничных городов.

Возможно, когда-то в некоторых из них театр гастролировал. Но, вероятнее всего, это были места, куда и куклам, и их, так сказать, руководителям, хотелось бы попасть.

Случается, мечту удается обречь, сделать фотографией и повесить на стену. И она уже как бы исполняется.

Но это, я думаю, – ближе к старости.

Спектакль оказался очень даже неплохим. Конечно, наблюдать за приключениями не очень примерного по своему поведению зайчонка в компании малолетних, в основном, зрителей было не очень привычно. Но зато я сидел рядом с Настей. Совсем, как в прежние годы. А потом Миша повел нас за кулисы, и мы оказались в небольшой комнатке, где на потертых диванах и креслах повсюду лежали куклы – некоторые уже и без одной руки или лысыми головами. За небольшим столом громадно сидел некогда блиставший Мордвинов в компании такого же возраста двух женщин и невысокого старичка с неожиданно пышными седыми усами. Наличествовал коньяк.

– Ну, Аркадия Исаевича ты знаешь, – представил собравшихся Миша, – а это дядя Петя, он волка играл, это Зоя, костюмерша, а рядом – наша прима, Инна Сергеевна.

После этих слов волк дядя Петя встал и поклонился.

– Спасибо, вы хорошо играли, – сказала Настя, – только хищник у вас был все-таки добрым...

– Играли не мы, – поправил Мордвинов, – уже не мы. Но хотя бы куклы. Мне, например, довелось стать избушкой. Которая к лесу задом. Только вы не подумайте – тут никаких намеков. А то про актеров всякое говорят.

– И правильно говорят, – вставила костюмерша Зоя, закурив сигарету, – навидалась я по театрам всякого.

– Ну, уж только не здесь, – примирительно улыбнулась Инна Сергеевна, поправляя седую прядь, – тут все еще по-детски. Я, например, зайчонка играю.

– Вы? – искренне удивилась Настя, – я думал, девочка какая-то, вы уж извините.

– А она и есть девочка, – хохотнул Мордвинов, – в смысле души, так сказать. А я вот – старое деревянное строение с прогнившим крыльцом. Точнее не скажешь.

– Зря вы так, – поправила его Настя, – в жизни каждый день – как первый. Главное – прожить его с радостью. Поверьте, я в этом уверена.

– За уверенность нужно поднять, – добавил дядя Петя, – и за знакомство. И за спектакль вообще. Дети приходят – значит, мы нужны.

Мне почему-то показалось, что он в этих своих словах сильно сомневается.

Но потом наш волк взял откуда-то гитару, мы стали петь песни и рассказывать веселые истории. Мордвинов поведал, как ему однажды, еще в драматическом, во время спектакля вместо стакана воды, как надобно было по сценарию, подали ради шутки чистого спирту. Ничего, выпил. И роль свою доиграл.

– Только казалось мне тогда, – вздохнул он, – что эта проклятая пьеса никогда не кончится. А я ведь передовика производства играл...

– Суфлер наш в те минуты чуть с ума не сошел, – вставила Зоя, – нес ты, признаться, такую отсебятину... Но жизненно. Как самый что ни на есть передовик...

Вернулись мы в больницу очень поздно.

5

Если бы я, ради борьбы с одиночеством, задумал бы завести себе какую-нибудь живность, то уж точно не попугая кареллу. Кеша в кабинете Сергея Николаевича по утрам орал так истошно, что слышно его было, казалось, по всему корпусу. Больные жаловались. Но почему-то не главному врачу, что было бы вполне объяснимо, а Гараняну. Тот отмахивался:

– Он не кричит, а поет. Радуетя жизни, значит. Вы настоящих криков не слышали, когда человеку кости ломают.

Было в этом резюме что-то очень темное.

Я часто задумывался – чего ради этот человек обустроивал свою безусловно нерядовую жизнь, вершил наверняка чужими судьбами, власти над этими судьбами добивался? Чтобы свою жизнь заканчивать вот так, без голоса в одиночной палате? Никто из родственников к нему не приходил, вероятно, их и не было. Появлялись регулярно «качки» с продуктами, хорошим, истинно индийским чаем, неподдельной выпивкой, наконец. Но было в этом что-то от обязательного какого-то прислуживания, стремления показать себя перед еще сильным, многое могущим изменить человеком. Похоже, он и сам это понимал. Однажды спросил Агафонов:

– Вот чего бы ты больше всего хотел в жизни?

– Всего, – веско ответил слесарь, – вот конкретно сейчас – отварной картошки рассыпчатой. С селедочкой.

– А квартиру? Свою, новую?

– Будет у меня квартира, – серьезно отметил Агафонов, – с оградкой и под памятником жестяным, – а вот картошки там я уже не покушаю...

Однажды к нам привезли отставного какого-то партаппаратчика, в солидно пенсионном уже возрасте, с довольно серьезным заболеванием позвоночника. Как-то сразу все его стали звать исключительно по имени-отчеству – Макар Игнатович, даже Гаранян. Новоприбывший с утра читал свежие газеты, пил кефир и любил поговорить о международном положении. Норовил вообще порассуждать. Родственники к нему ходили гурьбой, сотовый телефон звонил часто, и попугая Кешу он невзлюбил сразу.

– Абсолютно пустая птица, – откровенничал он, – то ли дело куры там, гуси. Ото всего должна быть польза.

– А от нас с вами какая? – не выдержал однажды Гаранян, – я, например, и насчет своей-то жизни сомневаюсь.

– Ну, ты Степан Суренович, может, и сомневаешься, – ответил тот, – и правильно делаешь, наверное. Пошел бы по государственному пути – цены бы тебе не было. Способности-то есть... А я, скажем, всю свою жизнь людям отдал. Это вы сейчас все порушили.

– И чего же вы, Макар Игнатович, им такого отдали? Машину свою? Дачу? Небось, детей-то хоромами без очереди обеспечили. А ветерана какого-нибудь из халупы так и не переселили...

– Кого надо, переселяли, – обиделся старик, – ветераны – они тоже разные бывают. На всех балконов не построишь.

– Вон как, – прошипел Гаранян, улыбнувшись, – а говорили тогда, что все равны...

Спор неожиданно подождил зашедший по случаю Агафонов:

– Это они меж собой равны. Ну, те, кто у кормушки. И тогда, и сейчас. И то норовят отпихнуть друг дружку. Каждому – по потребностям...

6

Зима наступала как-то даже жестоко.

– На лыжах скоро можно будет идти, – сказала Настя, – вот вылечусь, и сходим, правда? Рошу заречную посмотрим...

– А чего откладывать? – предложил я, – можно и сейчас посмотреть, тропинки там уже все подмерзли. Шашлычок сварганим. Как раньше. Не так уж там и холодно.

Раньше мы, действительно, любили в эту рошу ходить. Пельмени на костре в чайнике варили. Ну, и без шашлычка, конечно, не обходилось. Потом я часто вспоминал эти походы. Настя, наверное, тоже.

Однажды мы шли с ней по тропинке, взявшись за руки. Так мы были все время рядом. Шли и весело о чем-то болтали. И вдруг навстречу нам попала пожилая уже женщина в выцветшем уже осеннем пальто. Она прошла мимо нас, потом оглянулась и сказала:

– Вот так всегда и ходите. Только так. Светлее в жизни будет.

До нашего развода оставалось полгода.

В рошу мы теперь пошли снова, только не на лыжах, снег еще не задерживался надолго, просто падал с неба мелкой крупой и тут же таял, отчего на тропинках часто попадались лужи. Было тихо и спокойно, ветер из-за деревьев сюда не добирался. Даже тепло было, хотя и в куртках, от отчаянно яркого последнего перед морозами солнца.

Только Настя все равно мерзла. И руки у нее были холодные, пришлось ей доставать из кармана зимние варежки – почти детские, с какой-то веселой и доброй вышивкой.

– Что у тебя там изображено —то? – поинтересовался я, – или кто?

– Точно – кто, – улыбнулась Настя, – зайчонок тут. На каждой варежке одинаковый. Помнишь спектакль в кукольном театре? Как они там? Небось, снегурочек с дедами морозами готовятся на утренниках играть? Вот Мордвинову приработок... Из него дед Мороз солидный получится...

– Это для печени у него работа лишняя будет. Угощают там не слабо.

– Даже в детских садах?

– А он по детским садам не ходит. Его на корпоративы тянет. И нос в табаке, как говорится.

– А я бы сейчас, – Настя приостановилась и посмотрела на небо, – с удовольствием хоровод вокруг елки вела. И стишки бы читала. За пару конфет каких-нибудь или обезьянку плюшевую. Вот чего нам с тобой не хватало, Кораблев?

– Именно обезьянки, – вполне серьезно ответил я, – А то мы все с тобой тогда о зарплатах, новой мебельной стенке, шмотках каких-то. А теперь вот зачем это? У Гараняна вон все, небось, имеется, и на вторую жизнь с лихвой хватит, только не будет ее у него, второй жизни. Да и первая спотыкается. Ладно, чего это мы о грустном-то? Пошли в тир постреляем, посмотрим, у кого способности милитаристские.

В роше у самого пешеходного моста через реку летом работали немудреные аттракционы – карусели, качели, прокат велосипедов, и ко всему этому как-то удачно примостился тир. Также без выкрутасов, обычный пневматический, стенд у него был весь усеян следами от пуль, и некоторые мишени уже не падали, даже если в них одновременно попадали два человека. С наступлением холодов аттракционы вместе с прокатом закрылись на зимнюю спячку, а тир все еще работал, словно никак не хотел смириться с календарным расписанием погоды.

Правда, посетителей в этом заведении становилось с каждым днем уже все меньше, будто с облетающими листьями на стоящих рядом деревьях, куда-то в небытие исчезали и людские судьбы.

Невысокий старичок Иван Анисимович выдал нам пульки в коробках из-под спичек и отечески посоветовал:

– В слона не стреляйте. Он хоть и большой, и попасть в него легко, но он редко падает. Никогда почти. А вот утка грохается, даже тогда, когда пулька просто в стенд ударяется.

– Не хочу я в живность стрелять, – сказала Настя, – сразу ваш слесарь Агафонов вспоминается.

– Тогда пуляй в буржуина с мешком долларов, – посоветовал я, – распалишь в себе классовую ненависть.

– А зачем? Слушай, а почему Агафонов – такой добрый, а ему так не везет в жизни?

– Это как посмотреть, – заметил я, – лично ему свое существование очень даже нравится. И здесь как-то в тире он по всем подряд палил после того, как мы коньяку откушали.

– Ну, так то после того... А вообще мне его жалко.

В конце концов, мы завалили даже слона. Безо всякого коньяка.

7

– Сидишь? – ввалился ко мне в каморку Агафонов, – И не знаешь ничего. К нам сейчас бедуины приедут. Врачи индийские. Опыт перенимать.

– Бедуины – они в Африке, – поправил я его осторожно.

– А Индия где? – удивился слесарь, – Хотя разницы никакой...

Врачи из Дели действительно появились у нас как раз перед обедом. Заранее, наверное, подгадали. Четверо бородатых, худеньких и узнаваемо смуглых эскулапов побродили по нашим палатам, посетили операционную и кабинет физлечения, после чего их отвели в столовую, где уже были заранее накрыты столы, и следов больничного обеда не осталось вовсе. Сергей Николаевич по такому случаю отозвал меня с поста:

– Будешь присутствовать. Мало ли кого сюда занесет. Больные у нас разные, и в тихий час шатаются везде.

– А шлагбаум кто открывать будет?

– Агафопова посади. Если он трезвый, конечно.

Для шлагбаума состояние слесаря было еще подходящим., так что я с легким сердцем отправился в столовую.

Застолье шло чередом, как говорится, обычным. Сначала Сергей Николаевич неожиданно гладко произнес тост за российско-индийскую дружбу, не к месту, правда, упомянув Киплинга. Хорошо, хоть про Маугли умолчал. Но гостям понравились, один из них, наверное, самый главный, на не совсем русском языке сказал, что город наш ему понравился и больница тоже, а в особенности – попугай Кеша. Тут напряжение за столом растаяло, пошли негромкие, но оживленные разговоры на разные темы, а уж когда главная наша повара теть Катя вынесла огромное расписное блюдо с пельменями, индийцы и вовсе рассыпались в комплиментах. Я сидел в уголке зала, за небольшим клеенчатым столом, куда обычно ставили стаканы с добавкой компота. Сюда же теть Настя заботливо поднесла отдельную тарелочку и мне, а так же чайную чашечку, выставляя которую она негромко предупредила:

– Там, Андрей, не чай вовсе. Так что ты осторожнее. Не сидеть же тебе на сухую-то, ты ж цыган этих охранять не нанимался.

– Индийцы это, – поправил я ее без особого энтузиазма, – очень умная и древняя нация.

– А я читала, что все наши цыгане как раз оттуда. И похожи. А этих одень в тряпье, весь их ум и пропадет...

И тут бабахнуло.

Я выскочил в коридор. Там, действительно, клубился белый густой пар и влажно пахло мокрой побелкой. Вот тебе и дружба народов.

Индийцы, на удивление, под стол разом не полезли, а просто уставились на Сергея Николаевича. Тот, в свою очередь, предоставил их успокаивать заместителю Павлу Павловичу (вот этот действительно испугался, даже вспотел), а сам энергичным шагом пошел ко мне:

– Дверь в столовую закрой. А то подумают, что у нас тут теракт какой-нибудь.

– А что ж это?

– Да труба там отопительная. Задвижку там выбивает. Сто раз Агафонову говорил заменить... И-эх... Будет мне сегодня удаление аппендикса в минздраве...

Двое индийцев просочились-таки в коридор за наши спины и оживленно обсуждали произошедшее. Потом один из них, тот самый главный, который произносил тост за попугая Кешу, осторожно что-то начал говорить про службу спасения и эвакуацию больных.

– Будет тебе и МЧС, и эвакуация, – успокоил его главврач, – вот придет Агафонов, если он трезвый еще, и все будет.

Слесаря действительно, нашли быстро. Это мы из-за пара не увидели, но поняли по глухим ударом со стороны трубы и довольно образному мату, который вскоре стал раздаваться одновременно с ударами.

Через несколько минут пар развеялся. Индийцы заговорили еще оживленнее, уже не пытаюсь вставлять русские слова. Картина перед нами развернулась действительно впечатляющая.

Около злополучной заслонки в луже парящей еще воды стоял мокрый слесарь Агафонов с огромной кувалдой в руке.

– Вот, – просто констатировал он, – закрыл ее на хрен. Ничего сложного. Индийствуйте, как говорится, дальше. Враг не пройдет.

Гости зааплодировали.

Их препроводили обратно в пункт питания.

– Не знаю, уволить вас или премировать, – сказал Сергей Николаевич слесарю.

Тот неожиданно повернулся ко мне и с некоторыми паузами попросил, словно я был переводчиком с агафоновского языка на главврачебный:

– Скажи ты ему, что мне теперь нужно. Внештатная ведь ситуация.

– Ну да, – мрачно согласился Сергей Николаевич, – скажи еще – природный катаклизм. Индийцам-то что объяснить? У них и зимы, наверное, нет, они и про отопительные системы, небось, ничего не знают.

И тут у Агафонова проснулось чувство юмора. Только теперь я понял, что употребить он успел на шлагбауме уже достаточно.

– А вы скажите им, что тут слон проходил. Хоботом задел. У них там это – дело ежедневное...

8

В одно, уже серьёзно предзимнее воскресенье, сильно занедужил Макар Игнатович. Он как-то сразу весь похудел, уменьшился, и международное положение его перестало интересоваться вовсе, как и управленческие способности Гараяна. Палатами мне случалось проходить часто – охранники в больнице, да как и везде, наверное – резервная рабочая сила. Там шкаф надо передвинуть, там больного с кровати на кровать зачем-то переложить. Да и вообще, порядка ради, нам было положено изредка появляться в лечебных коридорах, словно больные или врачи могли тут без нашего пригляда устроить кровавую перестрелку.

– Странная у вас работа, – философски грустно произнёс, увидев меня, отставной партаппаратчик, – и, вроде, не делаете ничего (уж простите), а без вашей профессии в нынешнем обществе – никак. Торгашей надо охранять, больных вот, концерты-ярмарки. Сплошная заградительная система. Куда докатились?

– Можно подумать, в ваших обкомах и исполкомах милиционеров на входе не было, – осторожно возразил я, – и торгаши, как вы выражаетесь, при вас тоже не бедствовали.

– Согласен, – поддержал меня Степан Суренович, – нынешняя власть, она с кого пример берёт, у кого управлять учиться? Уж явно не у Америки. Тамошним Рокфеллерам и не снились наши фермы колхозные, очереди в аптеках, «хрущёвки» раздолбанные, в которых жить по-человечески нельзя уже. Но не снилось этим заокеанским богатым и то, что, стоя у руля государственного, можно со всей этой разрухи огромный навар иметь....

– Да бросьте вы, – неожиданно мирно сказал Макар Игнатович, – ну, поимел я в жизни, скажем, навар, немалый поимел, и что? Лежу вот теперь кулём мучным, и думаю, что скоро до унитаза сам, без посторонней помощи, не смогу добраться. И главным моим счастьем тогда будет не иномарка какая-нибудь, не коттедж, не дача элитная, а именно мгновение, когда, меня, наконец, донесут до этого сортира...

– Вы лучше в Бога начните верить, – посоветовал вроде бы не к месту Гараян, – а про сортиры ещё рассуждаетесь, когда припрёт.

И не знаю, о чём в последнее время начал рассуждать Макар Игнатович, но врачи к нему стали заходить всё чаще, а родственники, бывшие сослуживцы и соратники по партии – всё реже. Он смотрел в окно, за которым беззвучно (рамы пластиковые, не слышно) качалась ветка разросшегося старого клёна, и уже всё больше молчал. Это молчание любому охраннику со стажем было знакомо. Недобрым оно было знаком, неблагоприятным.

И, мне кажется, так молчавшие и смотревшие в окно, слишком хорошо понимали это тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.